

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 4, pp. 673–681, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94 (47-57) 1917/1991

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-673-681

Ставропольские шереты в контексте советской национальной политики в 1920–1930-е гг.

Антон Викторович Аверьянов¹

¹ Южный федеральный университет (д. 105/42, ул. Большая Садовая, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент

 0000-0001-7140-5601. E-mail: avaveryanov@sfedu.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Аверьянов А. В., 2022

Аннотация. *Введение.* Одним из важнейших направлений национальной политики в Советском государстве в 1920–1930-е гг. было конструирование советских наций на базе различных этнических групп. Наибольшую трудность вызывала идентификация малочисленных дисперсных этнических сообществ, находящихся в этнокультурном «приграничье». Одним из таких сообществ на Ставрополье были шереты как результат исторического синтеза калмыцкой и туркменской культур и этнического пространства. *Цель* статьи — анализ государственной политики в отношении шеретов и научное осмысление их феномена в советский период. Исследование проведено на основе архивных *материалов* из Государственного архива Российской Федерации, а также других архивных документов и опубликованных источников. *Результаты.* Выявлены основные подходы к изучению шеретов в дореволюционный и советский период. Показано, что за основу идентификации шеретов русскими этнографами и чиновниками брался преимущественно религиозный фактор, что позволяло отнести ставропольских шеретов к туркменам. Советский подход базировался на примате примордиализма и первенстве этнического происхождения, провозглашая шеретов неотъемлемой частью калмыцкого народа. Установлены основные направления и механизмы работы среди шеретов на районном, краевом и республиканском уровне по их обустройству и переселению в родной аул Кучерли Туркменского района. Доказано, что шереты, несмотря на малочисленность, сохраняли собственную идентичность, замешанную на родовой основе. Отмечено, что свертывание политики коренизации в 1930-е гг. повлекло за собой ускорение ассимиляционных процессов шеретов в туркменской среде.

Ключевые слова: национальная политика, Советское государство, калмыки, туркмены, ногайцы, шереты, Ставрополье, Туркменский район, Северо-Кавказский край

Для цитирования: Аверьянов А. В. Ставропольские шереты в контексте советской национальной политики в 1920–1930-е гг. // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 4. С. 673–681. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-673-681

Stavropol Sherets in the Context of Soviet Nationalities Policy, 1920s–1930s

Anton V. Averyanov¹

¹ Southern Federal University (105/42 Bolshaya Sadovaya St., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0001-7140-5601. E-mail: avaveryanov@sfedu.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Averyanov A. V., 2022

Abstract. *Introduction.* In the 1920s and 1930s, one of the most important directions of Soviet nationalities policy was the building of Soviet nations on the basis of various ethnic groups. Utmost difficulties were to be faced when it came to identify small dispersed ethnic communities located in ethnocultural ‘borderlands’. In Stavropol Region, one such community were Sherets to have emerged as a result of historical synthesis of Kalmyk and Turkmen cultures and ethnic environments. *Goals.* The article seeks to analyze government policies towards Sherets and attempts a scientific understanding of their phenomenon in the Soviet era. *Materials.* The study examines archival documents housed by the State Archive of the Russian Federation, as well as other archival papers and published sources. *Results.* The work delineates main approaches to the study of Sherets in the prerevolutionary and Soviet periods. It shows that religion was chosen as a key identification factor for the group by Russian ethnographers and officials, which made it logical enough to cluster Stavropol Sherets with Turkmens. However, the Soviet approach rested on the primacy of primordialism and actual ethnic origins, and proclaimed Sherets an integral part of the Kalmyk people. The paper reveals main directions and mechanisms of work among Sherets at municipal, regional, and republican levels aimed at their rehabilitation and relocation to the native village of Kucherli in Turkmensky District. It is proved that Sherets — despite small numbers — sought to retain their identity based on clan system. The 1930s curtailment of the *korenization* policy resulted in accelerated assimilation of Sherets into the Turkmen population.

Keywords: nationalities policy, Soviet government, Kalmyks, Turkmens, Nogais, Sherets, Stavropol region, Turkmensky District, North Caucasus Krai

For citation: Averyanov A. V. Stavropol Sherets in the Context of Soviet Nationalities Policy, 1920s–1930s. *Oriental Studies*. 2022; 15(4): 673–681. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-673-681

Введение

Ключевым направлением национальной политики Советского государства в 1920–1930-е гг. являлось национальное строительство, важнейшим механизмом которого выступало административно-территориальное обустройство этнических меньшинств в формате национальных автономий. Характерной особенностью Юга России была не только традиционная полиэтничность региона, но и этническая чересполосица, дисперсный характер расселения этнических сообществ, а также этнокультурное «пограничье». Данные обстоятельства затрудняли процесс нациестроительства и

территориальной консолидации национальных меньшинств. Одним из ярких примеров представляется сообщество шеретов, которое проживало на Ставрополье и находилось на стыке туркменского и калмыцкого этнокультурного пространства, что явилось результатом 250-летнего активного взаимодействия двух народов. До сих пор остается открытым вопрос об этнической принадлежности шеретов: были ли они еще калмыками или уже туркменами? Являлись ли самостоятельной этнической группой? Наконец, что думали по этому поводу сами шереты и какова была их форма репрезентации?

Обзор литературы

Изучение феномена шеретов, проживавших на территории современного Туркменского района Ставропольского края, нашло отражение в работах ряда дореволюционных, советских и современных исследователей. Однако изучение их истории ограничивается главным образом временным отрезком до 1917 г. Крупной работой, где представлены сведения о хозяйственном, общественном, бытовом устройстве, культуре ставропольских туркмен, а также шеретов, является исследование известного дореволюционного этнографа А. А. Володина [Володин 1908].

Анализ генезиса и развития сообщества шеретов с XVIII до начала XX в. в своих статьях («О расселении шеретов, томутов, чувских и белявских калмыков») [Борисенко 1983] и диссертации («Население и территория Калмыкии в XVIII в. – октябрь 1917 г.») [Борисенко 1984] представил советский исследователь И. В. Борисенко.

Большое значение имеют работы известного дореволюционного и советского историка, основоположника калмыковедения Н. Н. Пальмова, на которые опирался И. В. Борисенко [Пальмов 2007].

Некоторые данные о родовой структуре, расселении, этногенезе шеретов содержатся в трудах А. В. Курбанова [Курбанов 1995].

Имеющиеся исследования, посвященные изучению феномена шеретов, затрагивают главным образом дореволюционный период и дают разные ответы на вопрос об их этнической принадлежности. В то же время советский опыт национальной политики по отношению к «калмыкам-мусульманам» до сих пор остается неизученным. Целью настоящей статьи является сравнительный анализ двух подходов государственной политики и научного осмысления феномена шеретов в советский период.

Исторические источники

В качестве материала исследования выступили документы государственных архивных учреждений, в том числе Государственного архива Российской Федерации [ГА РФ. Ф. Р-1235], Государственного архива Ставропольского края [ГА СК. Ф. Р-397] и Центра документации новейшей истории Ростовской области [ЦДНИ РО. Ф. 7].

В первую очередь необходимо отметить материалы ГА РФ, входящие в состав дела № 77 фонда № 1235 (Всероссийский Центральный Исполнительный комитет (ВЦИК) РСФСР), в том числе переписку Отдела Национальностей ВЦИК, Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета (крайисполкома) ВКП(б) и Туркменского райкома ВКП(б) по вопросу обустройства шеретов. Большую ценность представляет письмо в адрес ВЦИК и Северо-Кавказского крайисполкома известного калмыцкого общественно-политического деятеля, поэта и писателя Лиджи Карвина (Карвенова), лично участвовавшего в решении вопроса о предоставлении шеретам хозяйственной помощи, разработке рекомендации по их обустройству [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 14–15].

Особый интерес вызвало письмо представителя шеретов — жителя аула Куликовы-Копани, адресованное Лиджи Карвину, с ходатайством о предоставлении материальной помощи и переселении в родной аул Кучерли. Помимо прочего, анализ этого письма позволяет установить форму репрезентации шеретов: то, как они сами себя идентифицировали безотносительно мнения ученых-этнографов, историков и чиновников.

В архивных делах ЦДНИ РО и ГА СК (переписка и материалы заседаний партийных и советских органов, справочная и отчетная документация) содержатся сведения о состоянии дел в хозяйственной, общественной, культурно-бытовой области туркмен Ставрополья, а также о создании и функционировании Туркменского района, где проживала значительная часть шеретов.

Статистическая информация об этническом составе населенных пунктов Туркменского района, где проживали шереты, содержится в сборнике, изданном по итогам переписи населения 1926 г. [Поселенные итоги 1929].

Генезис и развитие сообщества шеретов в дореволюционный период

История зарождения сообщества будущих шеретов берет свое начало в первой трети XVIII в. Н. Н. Пальмов отмечал, что в 1731 г. значительная часть калмыков под предводительством хана Дондук-Омбо перекочевала на Кубань. Вскоре из-за тяже-

лого положения с продовольствием они вынуждены были забить весь скот и в 1735 г. стали возвращаться в калмыцкие степи [Пальмов 2007: 207–208].

Однако еще в 1733 г. 120 кибиток калмыков из Четерева улуса ушли в турецкий Азов, а через некоторое время переселились в Крым под покровительство крымского хана и турецкого султана, приняв турецкое подданство и ислам [Пальмов 2007: 208].

В. М. Викторин отмечает, что одна из калмыцко-дербетовских групп была в 20-х гг. XVIII в. захвачена крымскими татарами и уведена вглубь Крымского полуострова, обращена там в мусульманство [Викторин 1997: 55].

А. В. Курбанов признает дискуссионный характер происхождения шеретов. Согласно преданию, калмыцкий хан Абушин вступил в брак с богатой туркменкой, принял мусульманскую веру, обратив в ислам свой народ. В результате последовавших за этим смешанных браков между туркменами и калмыками-мусульманами, их потомки первоначально поселились на озере Маныч около горы Шеред, а затем переселились в район балки Кучерли. Жившие здесь ногайцы стали активно смешиваться с представителями калмыцко-туркменских семей, образовав в конечном итоге сообщество кызыларов (кызыларов), которые совместно с туркменами образовали аул Шерет (или Кучерла) [Курбанов 1995: 41].

Согласно одной из версий, «казлар» происходило от слова «хаджи». Ногайцы и туркмены называли шеретов «казлар» [Викторин 1997: 55].

А. В. Курбанов указывает, что шереты являлись одним из десяти родовых подразделений кызылар наряду с байян, батаул, бурул, дархдут, сагылмат, тебет, тёркмет, харнаул, чонус [Курбанов 1995: 37]. Сохранив свою идентичность шереты, по-видимому, распространили самоназвание на остальных представителей смешанных калмыцко-туркменско-ногайских семей и их потомков.

Так или иначе все исследователи признают, что после русско-турецкой войны 1768–1774 гг. шереты переселились в калмыцкие земли Дербетовского улуса. Н. Н. Пальмов отмечает, что после вхождения Крыма в состав России А. В. Суворов разрешил им вернуться в Дербет, которым в то время

управлял Ценден Дорджи. В 1788 г. калмыки-мусульмане откочевали из Дербета на реку Куму, однако через двенадцать лет вернулись обратно, впрочем, ненадолго. По данным Н. Н. Пальмова в этот период среди шеретов не было единства по поводу их дальнейшего устройства, поскольку большая часть из них хотела присоединиться к мусульманам, а около 30 кибиток изъявили желание остаться среди калмыков Дербетовского улуса. В 1819 г. генерал А. П. Еромолов отказал в ходатайстве о прикреплении калмыков-мусульман к обществу эмбруловских (джембойлуковских) татар (одна из этнических групп ногайцев. — А. А.), признавая власть над ними дербетовской нойона Эрдени Тундутова [Пальмов 2007: 212].

После многолетних тяжб в 1837 г. из министерства внутренних дел астраханскому военному губернатору был отправлен отзыв управлявшего Грузией генерал-аншефа барона Розена, где говорилось, что шеретовцы «кроме религии, отвыкли уже от кочевой жизни, живут оседло и занимаются хлебопашеством», почему «обратить их опять в калмыцкие улусы значило бы расстроить совершенно хозяйство и подорвать их благосостояние» [Пальмов 2007: 212].

Только в 1846 г. вопрос о дальнейшей судьбе шеретов был разрешен окончательно. Согласно их волеизъявлению, они были причислены к кавказским мусульманам [Борисенко 1984: 161]. С этого момента «шереты стали пользоваться землями калаус-саблинских и бештаво-кумских ногайцев», занимая пространство от Пятигорья до верховий Калауса. Через некоторое время часть шеретов была причислена к туркменам на территории Туркменского приставства, где в верховьях речки Кучерли в 1863 г. они основали аул с одноименным названием [Борисенко 1984: 162]. В нем значилось 98 домов и проживало 312 мужчин и 317 женщин [Володин 1908: 26].

За годы совместной жизни туркмен и шеретов произошло глубокое взаимопроникновение культур, в том числе на бытовом уровне. Дореволюционный исследователь А. А. Володин так описывал жизнь и быт жителей Кучерли в начале XX в.: «Население аула Кучерли составляют кызыларские татары. Кызыларцы считают себя потомками калмыков Астраханской губернии

Малодербетовского аула Шеретова рода, бежавших в Турцию. В Турции они приняли магометанство. В ознаменование последнего турецкое правительство назвало их „кызыларцами“, т. е. „ангельским“ народом. Из Турции кызыларцы возвратились в Россию и причислились к Калаусо-Джембойлуковскому приставству, и по уходе калауских ногаев в Турцию присоединились в 1866 г. к трухменам. В настоящее время кызыларцы совершенно ассимилировались трухменами, только язык их содержит особый акцент трухменского наречия; костюм, обычаи совершенно одинаковы с трухменами» [Володин 1908: 27–28].

В свою очередь туркмены переняли у калмыков некоторые элементы кухни и культуры питания. Обязательным в рационе питания у туркмен был калмыцкий чай, который представлял не только питательную пищу, употребляемую по три-четыре раза в день, но и лекарственное средство от многих болезней [Володин 1908: 39–40].

Общие модели социального поведения туркмен и шеретов прослеживались и на демографическом уровне, что проявлялось в сокращении их численности из-за болезней, эпидемий, неурожаев, отсутствия медицинского обслуживания [ГА СК. Ф. Р-397. Оп. 1. Д. 1064. Л. 34, 49].

По данным А. В. Курбанова, количество ставропольских туркмен упало с 15 356 человек в 1907 г. до 8 311 в 1920 г. и до 4 999 человек по переписи 1926 г. [Курбанов 1995: 66–67]. По другим данным, с 16 000 человек в 1901 г. до 11 653 человек в 1926 г. [Брусина 2008: 4].

Снижение численности населения наблюдалось и у шеретов. По сравнению с 1873 г. к 1905 г. численность кучерлинцев сократилась с 638 до 529 человек и продолжала снижаться [Борисенко 1984: 163].

В 1925 г. в ауле Кучерли насчитывалось 535 человек, но, по всей видимости, кроме шеретов здесь проживали и туркмены [Курбанов 1995: 66].

Ситуация ухудшалась вследствие массовой миграции туркмен с территории Ставрополя в Дагестан к единоверным ногайцам — из-за дефицита земли, усугублявшегося стихийным переселением русских крестьян на эти земли [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 655. Л. 21].

Опыт советской национальной политики в отношении шеретов: калмыки или туркмены?

Туркменский район на Ставрополье, созданный в 1920 г. и наделенный спустя пять лет статусом национального, был одним из первых национальных районов в Северо-Кавказском крае. Его создание имело целью концентрацию туркменского населения, хозяйственное, общественное и культурное обустройство туркмен и прекращение их оттока в Дагестан в условиях голода начала 1920-х гг. и его последствий. Помощь, оказывавшаяся Туркменскому району, включала в себя бюджетные ассигнования и долгосрочные ссуды на поддержку хозяйств, закупку скота, кооперирование бедноты, а также строительство школ, больниц, ветеринарных пунктов. В 1923 г. туркмены были освобождены на пять лет от всех налогов [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 655. Л. 22].

Последствия Гражданской войны в России, прежде всего голода 1921–1922 гг., кардинальным образом повлияли на привычную жизнь шеретов, став причиной их массовой миграции из мест проживания, прежде всего аула Кучерли, куда стали переселяться русские крестьяне. В условиях голода кучерлинцы были вынуждены распродать свое имущество и расселяться по территории всего края, главным образом в населенных пунктах Туркменского района: Куликовы-Копани и Шарахалсун [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 3].

По данным переписи 1926 г. в ауле Кучерли и Кучерлинском сельсовете проживали только русские и украинцы [Поселенные итоги 1926: 276]. Всего в Туркменском районе в этот период проживало 5,4 тыс. туркмен и татар [Поселенные итоги 1926: 275–277].

В конце 1920-х гг. в рамках коренизации стала проводиться политика концентрации туркменского населения возле административного центра района — Летней Ставки, в результате чего русские крестьяне были выселены из Кучерли, а на их место стали заселяться туркмены [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 3].

Учитывая калмыцкое происхождение шеретов, крайисполком планировал организовать плановое переселение бывших кучерлинцев на территорию Калмыцкого на-

ционального района Сальского округа, где исторически компактно проживали донские калмыки [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 3].

Данный подход соответствовал логике советской национальной политики 1920–1930-х гг., базировавшейся на приоритете этничности, в рамках стратегии по конструированию социалистических наций, которые воспринимались в качестве высшей стадии развития этнических сообществ. Шереты рассматривались как этническая группа калмыцкого народа, которая должна была стать частью калмыцкой советской нации.

Несмотря на культурную и языковую общность шеретов с туркменами, первые сохраняли собственную идентичность, претендуя на возвращение в Кучерли и компактное расселение. Большой резонанс в 1929 г. вызвало письмо бывшего жителя аула Кучерли Мазая Нурмаева, проживавшего в ауле Кулики Туркменского района, адресованное выдающемуся калмыцкому общественному и политическому деятелю, писателю и поэту Лиджи Карвину (Карвенову). В своем письме М. Нурмаев, обрисовав тяжелое экономическое положение шеретовцев, обратился с просьбой оказать содействие в переселении в аул Кучерли и в организации экономической помощи с целью восстановления хозяйства [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 16]. Примечательно, что М. Нурмаев в письме вызывает к «кровным чувствам» Л. Карвина, обращаясь к нему «сородич», апеллируя к общему калмыцкому происхождению.

В мае 1928 г. Л. Карвин посетил аул Куликовы-Копани, ознакомившись с положением жителей, где, по его сведениям, проживало порядка 120–150 шеретов. Имея большие связи в республиканских и союзных органах власти, будучи одним из создателей Калмыцкой автономной области, Л. Карвин ставил целью объединение всех групп калмыков путем их добровольного переселения с Дона, Урала, Ставрополя, Терека в Калмыцкую автономную область. Немаловажно, что Л. Карвин был земляком кучерлинцев, уроженцем Малодербетовского улуса, откуда исторически вышли шереты.

В письме Отделу Национальностей ВЦИК и Северо-Кавказскому крайисполко-

му Л. Карвин предлагал организовать переселение «калмыков-магометан» «на территорию Малодербетовского улуса Калмыцкой АО» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 15].

Помимо этого Л. Карвин ходатайствовал о выделении «калмыков-магометан Туркменского района в особую нацгруппу и о командировании к ним для политпросветработы калмыка-партийца» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 15].

В числе прочих мер предлагалось после выселения «кулаков-русских» передать аул Кучерли «калмыкам-магометанам», а также в «ввиду материальной необеспеченности калмыков-магометан Туркменского района, в целях предотвращения их вымирания... оказать солидную материальную помощь путем создания среди них крупного животноводческого коллектива, с отпуском на это дело 100–200 тыс. рублей» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 15].

Шереты отвергали все планы переселения в Калмыцкую автономную область или Калмыцкий район Сальского округа, мотивируя свое решение незнанием калмыцкого языка и обычаев [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 3].

Они рассчитывали вернуться в родной аул, однако при этом тяготились возможностью растворения в туркменской среде, выступая против массового заселения Кучерли туркменами, которое, по словам шеретов, намеренно осуществлялось руководством Туркменского района. В частности, М. Нурмаев отмечал, что «наше положение не улучшилось и наше ходатайство о водворении расплывшихся по аулам Туркрайона бывших коренных жителей аула Кучерли (Шерет) до сих пор остается без надлежащего разрешения несмотря на то, что русское население, заселившееся в период голода, уходит... а на их место РИК предполагает переселить туркмен...» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 16].

В ответ на запрос Северо-Кавказского крайисполкома от 12 ноября 1929 г. исполком Туркменского района сообщал Краевой комиссии по делам национальных меньшинств (Крайнацменкомиссия), что «калмыки-магометане» практически ничем не отличаются от проживавшего в районе туркменского населения и специальных мер по обслуживанию их интересов пред-

принимать нецелесообразно. В частности, утверждалось, что «ныне проживающие в Туркменском районе так называемые «калмыки-магометане», находясь более сотни лет среди туркменского населения, совершенно изменили свой быт и условия жизни, у них даже в данный момент не имеется калмыцкого облика — физиономии» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 5].

Кроме того, отмечалось, что тяжелые социально-экономические условия в Туркменском районе были характерны для всех групп населения, в том числе туркмен и татар, и что за последний период «в связи с мероприятиями правительства, направленными на улучшение культурно-экономического положения туркменского народа, процент вымирания уже сократился, ежегодно мы имеем прирост населения и у «калмыков-магометан»» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 5].

Оказываемая экономическая помощь, указывалось в отчете, в том числе 5-летний план развития Туркменского района, принятый в 1928 г., в полной мере учитывал интересы и запросы калмыцкого населения района. Переселение туркмен в аул Кучерлы увязывалось с «мероприятиями по концентрации туркменских аулов вокруг райцентра...». В данной связи проживание калмыков-мусульман в ауле Куликовы-Копани, где имелись необходимые хозяйственные и жилые постройки, признавалось оправданным. Резюмируя свой отчет краевой Нацменкомиссии, Туркменский РИК заверял, что выделение «в специальную нацменгруппу указанной группы так называемых калмыков... считает совершенно нецелесообразным» так же, как и командирование для обслуживания их интересов «партийца-калмыка», поскольку калмыки, проживавшие в Туркменском районе, разговаривают исключительно на туркменском языке и одинаково обслуживаются наряду с остальным населением. Кроме того, в составе райисполкома имелись выходцы из среды калмыков-мусульман в статусе районных ответственных работников [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 6].

История получила свое продолжение на краевом и республиканском уровне. Крайисполком запланировал провести обследование положения калмыков Туркменского

района с последующим принятием решения об их будущем устройстве. Первоначальные сроки «изучения дел в районе» были передвинуты на весну 1930 г. в связи с проведением посевных работ и нехваткой кадров в силу «текущих политических и хозяйственных кампаний», т. е. коллективизации [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 4].

9 июня 1930 г. Северо-Кавказский крайисполком на запрос Отдела национальностей ВЦИК сообщил о результатах обследования, которым руководил инструктор крайисполкома Янц. Помимо указанных религиозных, культурных и языковых особенностей калмыков Туркменского района, отмечалось их категорическое нежелание переселяться на территорию Калмыцкой автономной области и Калмыцкого района Сальского округа и намерение «устроиться обратно в ауле Кучерлы и получить обратно оставленные там земли и дома» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 3–3а].

4 июля 1930 г. на заседании Президиума Северо-Кавказского крайисполкома было принято решение об удовлетворении ходатайства калмыков Туркменского района и разрешении «вернуться обратно в хутор Кучерлы, поручив Туркменскому РИКу (райисполкому. — А. А.) обеспечить им безвозмездный возврат их построек, оставленных ими во время голодных годов» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 77. Л. 1].

О данном решении крайисполкома был уведомлен Отдел национальностей ВЦИК, что должно было запустить процесс переселения шеретов на места прежнего проживания.

В 1930-е гг. по мере снижения темпов и свертывания политики коренизации шереты перестали выделяться в самостоятельную группу, смешавшись с местным туркменским населением. На основе данных полевых исследований В. М. Викторина, датированных 1991 г., «память о «присоединившихся к туркменам калмыкам» жила у старожилов до самого последнего времени» [Викторин 1997: 55].

Уже к 1990-м гг. село Кучерла (Шерет) по своему этническому составу было русским. Кызылары и туркмены ушли из него в 1920-х гг., переселившись в ближайшие аулы и села Куликовы-Копани и Шарахалсун, где смешались с их туркменским, та-

тарским и русским населением [Курбанов 1995: 42].

Проблема идентификации шеретов: разница в подходах

Сложности, связанные с идентификацией шеретов, находившихся на стыке туркменского и калмыцкого этносов, обуславливали непоследовательность и противоречивость государственной политики по отношению к ним. В исторических источниках и научной литературе встречается большое количество наименований калмыков-мусульман (калмыков-магометан), в том числе кызылары (хизляры, хазлар), шереты, калмыки-шереты, шеретовские татары, кызыларские татары, калмыко-ногайцы и т. д.

В ряде случаев их называли трухменами (туркменами) аула Кучерли, т. е. фактически не делали разницы между ними и местным туркменским населением. А. А. Володин, будучи представителем дореволюционной этнографической школы, отдававший приоритет религиозной традиции над этнической, относил калмыков-мусульман к числу «кызыларских татар», которые проживали в ауле Кучерли Туркменского приставства Ставропольской губернии. В письмах Н. Н. Пальмова со ссылкой на царских чиновников они именуются «шеретовскими татарами», что в конечном итоге обуславливало их привязку к мусульманскому населению [Пальмов 2007: 213].

Советский подход исходил главным образом из этнического происхождения шеретов, в результате чего за основу бралось калмыцкое происхождение, что объясняло попытки их расселения среди калмыков. Н. Н. Пальмов в своих письмах называл их шеретами, калмыками-шеретами или просто калмыками [Пальмов 2007: 206–213].

И. В. Борисенко как представитель советской этнографической и исторической традиции брал за основу этническое калмыцкое происхождение шеретов, относив их к группе ставропольских калмыков [Борисенко 1984: 164].

Различные группы шеретов кочевали не только с калмыками и туркменами, но и ногайцами. С. Ш. Гаджиева отмечала, что «хазлары» являлись этническим подразделением ногайцев. Нередко их называли «шереты» по имени калмыцкого племени, с которым, очевидно, они имели этнические связи. Они кочевали вместе с джембойлу-

ковцами и со временем смешались с ними [Гаджиева 1976: 9].

Несмотря на приверженность к исламу и принадлежность в бытовом отношении к туркменской культуре, шереты продолжали сохранять свою идентичность, отделяя себя от туркменского населения. В письме к Л. Карвину они именовали себя шеретовцами, бывшими жителями аула Кучерли (Шерет), подчеркивая первичность родового и географического фактора как основы своей репрезентации. Сохранение родовой структуры позволяло шеретам длительное время не ассимилироваться в туркменской среде, воспроизводя свою локальную идентичность.

Выводы

Ставропольские шереты представляются, с одной стороны, уникальным результатом взаимодействия и взаимопроникновения культур народов разного этнического происхождения — калмыков, туркмен и ногайцев, с другой стороны — вполне типичным явлением, характерным для регионов, находящихся на стыке этнокультурного пограничья. Ставропольские шереты имели многоуровневую идентичность, которая включала в себя этнический, религиозный, географический и родовой компоненты. Приоритеты репрезентации изменялись в зависимости от текущей общественной, политической и экономической обстановки. Во внешней среде они ассоциировали себя с мусульманами, в данном случае с туркменами; во внутритуркменской среде превалировала родовая составляющая (шереты).

Государственная политика по отношению к шеретам менялась в зависимости от текущих политических и хозяйственных задач. С середины XIX в. шереты были причислены к ставропольским туркменам, среди которых проживали. Значительная часть шеретов активно контактировала с другими этносами, в том числе ногайцами, в результате чего растворилась среди них.

Советская национальная политика в 1920–1930-е гг. строилась на примате этнического фактора над религиозным, что обуславливало попытки интеграции сохранявших идентичность шеретов в калмыцкую этническую среду. Ставропольские шереты рассматривались советскими историками и этнографами как составная часть калмыц-

кого народа. Глубокая степень их культурной интеграции в туркменское сообщество, а также свертывание политики коренизации

в 1930-е гг., предопределили их дальнейшее проживание в Туркменском районе и постепенную ассимиляцию.

Источники

- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
 ГА СК — Государственный архив Ставропольского края.
 Поселенные итоги 1929 — Поселенные итоги переписи 1926 г. по Северо-Кавказскому краю. Ростов н/Д: Гостип. им. Коминтерна Севкавказполиграфтреста, 1929. 468 с.
 ЦДНИ РО — Центр документации новейшей истории Ростовской области.

Литература

- Борисенко 1984 — *Борисенко И. В.* Население и территория Калмыкии в XVIII в. — октябрь 1917 г.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 1984. 224 с.
 Борисенко 1983 — *Борисенко И. В.* О расселении шеретов, томутов, чугуевских и беляевских калмыков // *Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии: сб. ст. Элиста: КалмНИИИФЭ, 1983. С. 44–59.*
 Брусина 2008 — *Брусина Н. И.* Ставропольские туркмены. Этнокультурное развитие, социальные обычаи, процессы адаптации и интеграции // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 202. М.: ИЭА РАН, 2008. 42 с.*
 Викторин 1997 — *Викторин В. М.* Этноконфессиональные связи тюркских народов с калмыками в Нижнем Поволжье и Предкавказье // *Языки, духовная культура и история*

References

- Borisenko I. V. Population and Territory of Kalmykia: From the 18th Century to October 1917. Cand. Sc. (history) thesis. Moscow, 1984. 224 p. (In Russ.)
 Borisenko I. V. Whereabouts of Sherets, Tomuts, Chuguev and Belyaev Kalmyks. In: *Social System and Sociopolitical Development of Prerevolutionary Kalmykia. Collected papers. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1983. Pp. 44–59. (In Russ.)*
 Brusina N. I. Stavropol Turkmens: Ethnocultural Evolution, Social Customs, Adaptation and Integration Processes. Ser. 'Studies in Applied and Emergency Ethnology'. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2008. Vol. 202. 42 p. (In Russ.)
 Gadzhieva S. Sh. Nogay Material Culture, 19th – Early 20th Centuries. Moscow: Nauka, 1976. 226 p. (In Russ.)

Sources

- [Soviet] Census of 1926. North Caucasus Krai: Per-Settlement Numbers. Rostov-on-Don: North Caucasus Polygraphic Trust, 1929. 468 p. (In Russ.)
 Contemporary History Documentation Center of Rostov Oblast.
 State Archive of Stavropol Krai.
 State Archive of the Russian Federation.

- турков: традиции и современность. Труды международной конференции в 3 т. (г. Казань, 9–13 июня, 1992 г.) / редкол.: М. Х. Хасанов (пред.), Э. Р. Тенишев, М. З. Закиев и др. Т. 3. М.: Инсан, 1997. С. 54–56.
 Володин 1908 — *Володин А. А.* Трухменская степь и трухмены // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 38. Тифлис: Управл. Кавказск. уч. округа, 1908. С. 1–98.*
 Гаджиева 1976 — *Гаджиева С. Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1976. 226 с.
 Курбанов 1995 — *Курбанов А. В.* Ставропольские туркмены: историко-этнографический очерк. СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. 240 с.
 Пальмов 2007 — *Пальмов Н. Н.* Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 464 с.
 Kurbanov A. V. Stavropol Turkmens: A Historical/Ethnographic Essay. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 1995. 240 p. (In Russ.)
 Palmov N. N. Kalmyk People within Russia's Borders: [Collected] Historical Materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 2007. 464 p. (In Russ.)
 Viktorin V. M. Ethnoconfessional ties between Turkic populations and Kalmyks in the Lower Volga and North Caucasus. In: Khasanov M. Kh. (ed.) *Languages, Spiritual Culture and History of Turks: Traditions and Contemporaneity. Conference proceedings. (Kazan, 9–13 June 1992). In 3 vols. Vol. 3. Moscow: Insan, 1997. Pp. 54–56. (In Russ.)*
 Volodin A. A. Trukhmen steppe and trukhmens. In: *Collected Materials Describing Territories and Tribes of the Caucasus. Tiflis: Office of Caucasus Educational District, 1908. Vol. 38. Pp. 1–98. (In Russ.)*